

М.И.Зверяков, чл.-корр. НАН Украины
Одесский национальный экономический университет

ПОЗНАВАТЕЛЬНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ

Проанализированы теоретико-методологические подходы к определению природы эвристического потенциала политической экономии. Рассмотрены причины и особенности его формирования и использования в рыночной экономике. Показаны условия, при которых политическая экономия превращается в метод практического действия.

Модернизация отечественной экономики является общенациональной задачей. Её решение возможно лишь на основе достижений науки, поскольку наука и образование являются элементами национальной инновационной системы. Однако сама наука, как естественная так и социальная, приобретает специфически-исторические формы развития, которые должны быть поняты и учтены при использовании эвристического потенциала политической экономии.

Наука в условиях рыночной экономики

Бурное развитие рыночных форм хозяйствования при капитализме представляет науке, в первую очередь изучающей природу, возможность самостоятельного развития. Формы науки в виде религиозной схоластики, существовавшие при феодализме, были не пригодны для построения индустриальной основы капитализма. Для этого необходимы рациональные методы научного познания. "Буржуазии, – писал Ф.Энгельс, – для развития её промышленности нужна была наука, которая исследовала бы свойства физических тел и формы проявления сил природы. До того же времени наука была смиренной служанкой церкви и ей не позволено было выходить за рамки, установленные верой; по этой причине она была чем угодно, только не наукой. Теперь наука восстала против церкви; буржуазия нуждалась в науке и приняла участие в этом восстании"¹.

Противоречивый характер развития капитализма отражается и в противоречивом развитии науки. С одной стороны, именно капитализм создаёт базу для всестороннего развития науки, прежде всего естествознания, формирует условия приложения научных знаний в производстве. Впервые наука сознательно развивается и применяется как фактор развития капиталистического производства, превращается в непосредственную производительную силу. Наука становится профессиональной деятельностью учёных, нанятых капиталом.

С другой стороны, единство промышленности и науки имеет одностороннюю форму, то есть воспроизводит абстрактное отношение к природе – лишь как средству и материалу производственных потребностей.

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. – 2-е изд. – Т. 22. – С. 307.

Эта односторонность может проявиться, например, в игнорировании объективной необходимости учёта социальных параметров технических решений, в проблеме охраны окружающей среды, других социальных факторов, не имеющих прямого отношения к собственно экономической эффективности. Именно в игнорировании социальных параметров экономической жизни капиталом представлена форма конкретно-исторических отношений науки и капиталистического производства.

Знание, обусловленное непрерывно возрастающими потребностями и способами их удовлетворения с помощью расширения производства и мирового рынка, включается в состав элементов капитала и движется по законам товарного рынка. Научное творчество становится во многом прагматичным, поскольку ставится в зависимость от способности превращаться в полезные капиталу способы его возрастания. Прагматизм выступает определяющей формой отношений теории и практики. Принимаются все новшества, которые способствуют укреплению технологической и организационно-экономической основы капиталистических отношений. Не допускаются лишь те, которые ставят под сомнение существование самого капитала как общественной формы.

Стало быть, соотношение экономической науки и практики в рамках капиталистической формы отношений имеет ограниченный характер, оно ограничивается самими пределами капитала. В то же время, поскольку сам капитал заинтересован во всемерной экономии используемых факторов производства, он создаёт наибольшие возможности для развития науки. Наука становится решающим фактором социального процесса, а её применение – главным условием развития общественного производства.

Именно в форме этого специфически-исторического противоречия между теорией и практикой происходит реальное развитие науки как способа преобразования действительности. Наука в рамках капиталистической формы производства исходит из представления о способности достигнуть наиболее совершенного состояния хозяйственной практики на основе рыночных отношений путём их развития, трансформации, модификации, но в рамках их генетической природы.

Эволюция отношений экономической теории и практики

Наука, в том числе экономическая, должна служить практике, но при этом следует понимать, что для того чтобы быть нужной практике, теория должна обладать таким качеством, которым не обладает практика. Известно выражение К.Маркса, что если бы сущность и явление непосредственно совпадали, то наука как таковая была бы просто не нужна. В этом и состоит особенность теоретического взгляда на вещи. Наука, изучающая капиталистическую форму хозяйства, будет востребована буржуазной практикой, если она будет предлагать рецепты достижения наиболее совершенного состояния экономики на базе капиталистического производственных отношений.

Практику рыночно-капиталистического хозяйства интересует не сущность экономических явлений, а практическая наука, которая была бы способна давать полезные рекомендации.

Что же касается выяснения сущности капиталистического строя, его исторически ограниченного характера, открытия экономических законов его развития, сделанных Марксом, то такая теория абсолютно бесполезна с позиций капиталистической практики. Социальный заказ со стороны капиталистов, предъявленный науке, совершенно естественно не прием-

лет ни такого вывода, ни такой теории, в которой он обосновывается и доказывается.

Даже когда экономическая наука исходит сознательно из исторического анализа, как это имеет место в исторической школе, она остаётся в пределах капиталистической формы хозяйства. Через призму истории рассматриваются развитие обмена и денежного обращения, потребности людей, их отношение к продуктам труда, но только не сам капитал. Представители исторической школы, например, Б.Гильдебранд, критикуют классическую политическую экономию за то, что у неё "...все законы хозяйства стоят вне условий времени и пространства... при этом они совершенно забывают, что человек как существо общественное есть, прежде всего, продукт цивилизации и истории и что его потребности, его образование и его отношение к вещественным ценностям, равно как и к людям, никогда не остаются одни и те же, а географически и исторически непрерывно изменяются и развиваются"².

Как видим, Б.Гильдебранд как представитель исторической школы под видом учёта историзма критикует классику за попытку проникнуть в сущность объективных экономических процессов, которая вела бы к историческому пониманию самого капитализма. Историческая школа объявляет предметом политической экономии национальное хозяйство, его своеобразие в конкретно-исторических условиях, то есть специфику капитализма в пределах его сущности, а сами сущностные объективные характеристики экономических отношений растворяются в исторических формах национального хозяйства.

Производственные отношения не рассматриваются как предмет науки. Таковыми становятся общественные отношения, представленные таким институтом, как государство, которое "обнимает всю совокупность человеческих отношений и несёт свою цель в самом себе"³.

Стремление отойти от познания сущности объективных экономических форм и перейти к исследованию идеологических правовых институтов указывает на возрастающую практическую роль государства в рыночных национальных системах. Как показывает опыт развития экономической науки, исторический метод сохраняется в современных её течениях, например, в институционализме.

Подмена исследования собственно экономических закономерностей социально-правовыми, как правило, надстроечными, приводит, в конечном счёте, к сведению производства к технологическому процессу, а производственные отношения – к правовой регламентации взаимоотношений людей в производстве. Именно правовые формы, в которых внешне проявляются производственные отношения и которые поддаются непосредственному практическому воздействию, становятся предметом экономической теории. Она начинает изучать вопросы экономической действительности в плоскости практических проблем регулирования различных групп общества.

Например, проблема заработной платы изучается исходя из своеобразного теоретического представления, что она должна покрывать сложившийся на определённый исторический период объём спроса на предметы потребления наёмных работников, а прибыль – обеспечивать

² Гильдебранд Б. Политическая экономия настоящего и будущего. – СПб, 1980. – С. 19.

³ Там же. – С. 31.

накопления и вознаграждения собственнику капитала за его предпринимательские усилия.

Как можно заметить, отход от классики идёт в первую очередь путём отказа от категорий сущности. Об этом писал ещё К.Маркс, критикуя С.Бейли. Этот автор отходит от категории сущности стоимости, принимая за неё внешнюю форму: "...та наиболее поверхностная форма, в которой меновая стоимость проявляется как количественное отношение, в каком товары обмениваются друг на друга, и есть, по мнению Бейли, их стоимость"⁴. Вопрос, почему в меновом акте приравниваются совершенно разные товары и что лежит в основе этого приравнивания, не интересует Бейли. Сама постановка вопроса и ответ на него бесполезны с практической точки зрения, то есть с позиции участника товарно-капиталистического производства. Для него существенным является вопрос, вытекающий из практики: сколько, то есть какое количество других товаров можно получить взамен своего?

В качестве подтверждения такого суждения отыскиваются в практике количественные пропорции в сфере обмена, законом которого выступают, прежде всего, спрос и предложение. От количественного отношения, то есть от поверхностной формы, в которой проявляется меновая стоимость, поиски теоретического объяснения стоимости переносятся во внеэкономическую сферу, в область субъективного – сознания. "Бейли, – писал К.Маркс – переносит вопрос в область сознания потому, что по части теории он зашёл в тупик"⁵. И зашёл сознательно, из практических мотивов – отношений обмена, которые сами по себе никогда не открывают своей сущности. Если у сторонников определения стоимости количественной пропорцией обмена сознание продавцов и покупателей ещё не выступает в качестве последней причины стоимости, то впоследствии у представителей теории маржинализма оно становится таковой.

Таким образом, можно выделить два этапа развития экономической теории. Первый характеризуется движением от попыток проникнуть в сущность экономических процессов ко всё более поверхностным формам их проявления и к опоре в познании на практику обмена. Второй этап – это переход от описания внешней видимости экономических явлений (при сохранении последнего) к описанию внеэкономических явлений, изучаемых другими науками. В поисках аргументов экономическая наука всё чаще обращается к праву, истории хозяйства, социологии, психологии, этике, географии, математике, биологии и другим наукам.

Подмену исследования собственно экономических закономерностей исследованием закономерностей социальных, как правило, надстроечных, некоторые теоретики рассматривают как наиболее тонкую форму вульгаризации. Она выражается, пишет В.Афанасьев, в резком преувеличении реально существующих зависимостей экономических процессов от связанных с ними социальных явлений. Такова, например, правовая трактовка экономических процессов последователями социально-правовой школы, историческая интерпретация (в работах новой исторической школы), семантическое истолкование, вульгарно-социологическая трактовка экономических процессов (институционализм)⁶. Крайне сложно определить меру преувеличения зависимости экономических и социально-правовых

⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. – Т. 26. – Ч. III. – С. 141.

⁵ Там же.

⁶ См.: Афанасьев В.С. Этапы развития буржуазной политической экономии. – М., 1971. – С. 289.

явлений, ибо они действительно тесно взаимосвязаны в рамках современного механизма хозяйствования. Но, как показывает современная хозяйственная практика, объединение экономических и социально-правовых явлений как объекта экономической науки обеспечивает её близость к практике и способность непосредственно на неё воздействовать.

При таком понимании объекта теоретического исследования производство у представителей социально-правовой школы выступает не как экономический, а как технологический процесс, а производственные отношения – как правовые нормы, регулирующие взаимоотношения людей в производстве. Производственные отношения воспринимаются как правоотношения, то есть только через внешние формы проявления. А поскольку нормы права являются отношениями надстроечными, идеологическими, не воспроизводимыми в хозяйственном процессе, они подвержены практическому изменению через отмену одних норм и утверждение других. При таком понимании предмета экономической науки последняя начинает заниматься практическими проблемами регулирования взаимоотношений различных групп, участвующих в хозяйственном процессе. Например, заработная плата должна покрывать потребности в продуктах потребления, а прибыль – обеспечивать существование капиталиста.

В развитых странах экономическая мысль отчётливо проявляет сегодня тенденцию к максимальной приближенности к практике. Именно практическими потребностями субъектов хозяйствования обусловлено появление микроэкономического уровня исследования, дифференциация экономического знания, распространение математических методов анализа хозяйственных процессов. Основной предметной областью экономической науки становятся количественные функциональные зависимости рыночного хозяйства, рассматриваемые с точки зрения или отдельного капиталистического предприятия, или отрасли, или некоторой их комбинации, связывающей хозяйственные звенья единством практической цели.

Последняя сосредоточена на выборе характера производственного процесса, типе и структуре производимой продукции, эффективности функционирования приложенного капитала. Особое значение приобретают математические методы, создающие основу для более глубокого познания рыночного механизма, создания статических и динамических моделей спроса и предложения и т. п.

Исследования такого рода дают знания непосредственно пригодные к применению. Конкретные цели практического характера совпадают со средствами познания. Если в качестве цели выступает определение наиболее прибыльного функционирования предприятия, то этому подчинены все способы получения такого знания. Локальный характер цели определяет средства познания.

Практика рыночного хозяйствования нуждается в такой науке, которая была бы способна разрешать экономические и социальные противоречия на капиталистической основе.

В этом усматривается, с одной стороны, антиисторизм экономической науки, а с другой – особый характер отношений теории и практики. Локальный и временный характер таких решений очевиден. Вместе с тем он формирует особое прагматическое качество всего научного знания, а не только экономического. Но прагматический характер науки не исчерпывает всего её содержания, развитого именно в рамках капитализма и имеющего непреходящее значение. Достижения науки, прежде всего естествознания, в условиях капитализма огромны.

Но социально-экономическая наука находится в особом положении. Беспристрастной социальной науки не может быть в обществе, которое разделено на социальные группы, получающие разными способами личные доходы. И все же достижения экономической науки в период становления капитализма и формирования предпринимательского слоя в лице классиков политической экономии от В.Петти до Д.Рикардо являются примером беспристрастного поиска истины, создания теоретической картины действительности. Теории же, приспособленные к практическому обслуживанию существующего положения вещей, достигают единства с практикой лишь по видимости. Между тем, именно таким образом понимаемая идея единства теории и практики представляется единственно возможной формой их связи.

В утилитарно понимаемой теории, как руководства по практическому обслуживанию существующего положения вещей, игнорируется её суверенитет, понимание сущности, представленной как научная система, значение которой не исчерпывается практическим выводом.

Таким образом, специфически-историческое отношение теории к практике не устраняет реально существующие различия между теоретическим подходом к действительности на основе понимания её сущности и эмпирическим подходом, имеющим ограниченную цель, подчинённую конкретным нуждам практики. Узкий практицизм отрицает достоинство всеобщности, которым обладает теоретический взгляд на вещи. Эмпирический подход ограничивает научную мысль теми свойствами и характеристиками изучаемого предмета, которые существенны для данных, но ограниченных форм практики. Тогда как понимание сущности процесса, открываемое теорией, даёт возможность видеть то, что скрыто за внешними формами вещей и процессов, а значит, познать более глубоко и разносторонне практику.

Как отрыв теории от практики, от исследования действительности лишает теорию реально исторического предмета, а тем самым социальной и научной значимости, так и подчинение теории сложившимся формам практики делает их ущербными в силу их абстрактности. В итоге крайними формами неисторического понимания обособленности теории и практики выступают схоластика и эмпиризм. Разобщённость теории и практики ведёт к представлению об изолированности предмета и метода самой теории, фундаментальных и прикладных исследований. Изначально теория и практика рассматриваются как разобщённые виды деятельности. При таком представлении о соотношении теории и практики последняя лишается главного: возможности быть осознанной, понятой, осмысленной. Практическое действие, если оно исходит непосредственно из сущности предмета, на который направлено преобразовательное действие, учитывает всю совокупность условий, в которых предстанет эта действительность или процесс. В таком случае сущностью отношений теории и практики является их взаимодействие, понимаемое как реальный конкретно-исторический процесс их развития.

Когда же теория рассматривается как нечто противоположное практике, она заведомо лишена своего существенного свойства: необходимости превратиться в метод и способы практических действий, обладать достоинством осознанной действительности.

Если практика рассматривает теорию как момент обслуживания её самой, то она не способна критически относиться к своим сложившимся формам, то есть она внеисторична.

Рефлексия такой практики принимает форму эмпиризма. Сама природа эмпиризма покоится на представлении, что сущность практической деятельности может быть раскрыта в описании экономических фактов, статистических данных, хозяйственных действиях, а не в их критическом анализе. Упускается из виду то, что сам сбор фактического материала уже предполагает некоторое понимание того признака, по которому совершается этот сбор. Если исследователь не исходит из предпосылки, что в любой простейшей познавательной операции присутствует определённая теоретическая установка, определённое представление о той или иной возможности связи явлений хозяйственной жизни, то само действие по обобщению фактического материала остаётся непонятым и тем самым произвольным. Хозяйственная практика, не познанная теоретически, но проиллюстрированная примерами, цифрами, таблицами, показателями, создаёт видимость её научного исследования. Такая практика, преподнесённая в наукообразной форме, не охвачена теорией, поскольку её основы и принципы не были проанализированы критически.

Последнее подтверждают и оправдывают произвольно принятые предпосылки при сборе материала. Причина этого в эмпирическом характере метода исследования, заимствованного из простого здравого смысла. Итогом такого исследования является предмет без определения его сущности, то есть на уровне видимости, представленный в иллюзорной наукообразной форме. Количественная, описательная характеристика предмета остаётся главным признаком эмпиризма во всех его разновидностях и способствует его широкому распространению через непосредственное его восприятие здравым смыслом. Эмпиризм всегда стремится продемонстрировать тесную связь с практикой путём регистрации фактов вместо их критического анализа. Но он не становится теорией, поскольку появляется лишь там, где нет сознательного стремления проникнуть в сущность исследуемого предмета. Эмпиризм основывается на видимости как на своём фундаменте.

Эмпиризм сводит различие между теорией и практикой в плоскость уровней абстракции. Однако степень теоретического познания предмета не в уровнях абстракции, а в раскрытии его природы, независимо от количества фактов, попадающих в поле зрения науки. Если осуществляется практическое преобразование действительности исходя из познанной сущности предмета, такое действие имеет, по сути, теоретический характер. В этом случае происходит развитие теории и практики и их конкретно-исторического соотношения.

Напротив, абстрактная теория, обобщающая множество фактов путём отыскания формально общего признака, например, удельного веса частной собственности в различных национальных экономиках, не откроет ничего нового. Когда под субъективно принятые решения, которые не основывались на теоретическом видении действительности, наука подводила "теоретические" основания, она действовала в соответствии не с эмпирическими принципами, а с принципами угодничества, "освящения" теорией неосознанных практических решений.

В таких случаях наука лишается своего содержания, особенностью которого есть критическое отношение к существующему положению вещей. Теория, следующая покорно за практикой, не оценивающая её критически, не продвигается на пути познания действительности. А некритический характер практики обусловлен отсутствием в её составе теоретического момента. Такое положение теории и практики порождает схоластику.

Когда наука лишается своего предмета, но сохраняет методологический инструментарий, она начинает искать предмет в формах логизации и гносеологизации конкретных экономических проблем. Внешне это выглядит как повышенный интерес исследователей к методологическим проблемам экономической теории. Задача исследования непосредственно производственных отношений отодвигается на второй план, на первый же выходит исследование принципов и способов экономического анализа как необходимой предпосылки изучения производственных отношений. Первостепенный интерес к методологии обусловлен не содержанием предмета и его особенностями, а его отсутствием. Экономическая наука выводит практику из-под теоретического, критического анализа, поскольку критике подвергается сам методологический инструментарий, а не хозяйственная практика. Происходит подмена предмета теории, им становится метод исследования, а экономическая теория объективно выталкивается в область философской проблематики.

Предметом экономического исследования является уже не реальность, а логическая форма, которая, как известно, представляет собой предмет философии. Образуется некий квазипредмет, который заменяет действительный анализ противоречащих друг другу фактов. Подлинного научного развития не получает ни логическая форма, ни экономический материал, поскольку логическая форма является предметом философии, а экономический материал становится предметом применения этой логической формы.

Практическая направленность экономической теории реализуется, с одной стороны, в строго определённой среде общественной практики, по отношению к которой теоретические выводы имеют непосредственное прикладное значение. С другой стороны, экономическая теория является методологической и теоретической основой конкретного экономического знания, способом понимания и анализа экономических фактов через призму социально-экономической природы существующей хозяйственной системы.

Отношения теории и практики по своему сущностному определению есть их взаимодействие; теория всегда обретает конкретно-историческую форму, то есть форму, зависимую от характера практики. Стало быть, само это взаимодействие имеет системный характер, поскольку теория отражает системный характер практического действия.

В рамках самой теории её отношение к практике приобретает форму взаимодействия предмета и метода науки. Внутри этого взаимодействия и совершается развитие науки, формирование теории в её собственном качестве, отличном от практики и обеспечивающем их неразрывную связь.

Взаимодействие предмета и метода

Отношения предмета и метода экономической теории на первый взгляд кажутся довольно простыми и могут быть представлены как отношения несводимых друг к другу противоположностей. Предмет политической экономии – объективная реальность отношений между людьми в процессе производства материальных благ. Предметом науки выступает определённая сторона объективной реальности. Метод же понимается как совокупность способов, приёмов познания, используемых для получения необходимых знаний о предмете, и является субъективной стороной познания.

Но процесс познания не сводится к набору познавательных средств. Эти средства не являются заранее известными и готовыми инструментами. Познавательные инструменты впервые находят себя в процессе исследования предмета.

Поэтому внешняя связь предмета и метода политической экономии представлена как отношения объективного и субъективного, практического и теоретического. Если ограничить связь предмета и метода лишь этими внешними характеристиками, то может сложиться представление о методе как о чём-то привнесённом в науку извне. А это уже ведёт к свободе в выборе методов познания или к их произвольному заимствованию из других наук, что в итоге приводит к утрате предмета науки.

Метод исследования является своеобразным отражением предмета, его внутренних закономерностей развития и определяется его особенностями. Именно внутренне содержание предмета в его изначально осмысленном виде является основой формирования приёмов и правил, которыми должен руководствоваться исследователь в теоретическом отображении закономерностей развития экономических отношений. Метод, выступая специфическим "инобытием" предмета науки, выражая субъективную сторону познания, в содержательном плане объективен.

Уже на первоначальном этапе определения предмета познания необходим определённый методологический инструментарий, от содержания которого зависит характер его постижения. Это означает, что на этапе создания предмета метод участвует в формировании начального представления о нём и поэтому находит себя в предмете. Только так метод начинает развиваться вместе с познанием предмета.

Особенность теоретического познания состоит в том, чтобы в огромном мире фактов отыскать их внутреннее единство и в этом единстве выделить их различие. В пределах этого единства, которое представляет собой "тот особый эфир, который определяет удельный вес того, что в нём имеется"⁷, можно сопоставить и увязать различные явления. Но этот процесс предполагает выявление того уровня, на котором возможно сопоставление и "выведение явлений". Проблема уровня – это проблема установления общей для данного круга явлений субстанции, составляющей реальность, в которой теоретическое познание движется и ориентируясь на которую оценивает эмпирические факты. Успех научного познания зависит от того, что оно рассматривает в качестве подобной субстанции.

Становление классической политэкономии исторически и логически было связано с формированием предмета путём отказа от анализа психологического социально-правового порядка. Наука всякий раз переходила к новому этапу своего развития в зависимости от того логического пространства, в котором был определён её предмет. Так, уже у меркантилистов стал формироваться предмет политэкономии: сначала отношения обмена, в которых искали источник роста богатства страны, а потом и производства (поздние меркантилисты). Но меркантилисты ещё не освободились от вопросов экономической политики государства, и это является свидетельством неразвитости экономической теории.

Политическая экономия осуществляет некий логический срез экономической действительности, очерчивая тем самым контуры собственного специфического предмета. Только в рамках этого среза все теоретические положения имеют смысл и доказательную базу. Всякое смещение предмета политической экономии в сторону права, морали приводит к тому, что её теоретические положения теряют смысл.

Теория, как известно, необходима только там, где исследователя интересует существенное, не совпадающее с обманчивой видимостью вещей.

⁷ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. – Т. 46. – Ч. I. – С. 43.

Способ существования науки отличается от способа существования обыденного представления, поскольку сущность, которая интересует теорию, – это системное, отличное от другого качество. Понимание сущности означает построение, разворачивание системы отношений, в которой и благодаря которой существует данная сущность. Таким образом, познать сущность означает понять, как развёртывается система отношений в целостность⁸.

Эмпиризм последовательно пришёл к отрицанию объективного значения категории сущности, что нашло своё отражение в философском течении позитивизма. Последний пытается обнаружить существенное, выделив некий абстракт, присущий множеству индивидов. Тогда как познание сущности лежит на пути конкретизации, "срастания" отдельных элементов в систему.

Но всякая ли система выражает и представляет истину, сущность? Отнюдь. Например, учитывая соотношение спроса и предложения, можно построить систему, основанную на эмпирических фактах рыночного обмена. Такая система как совокупность взаимосвязанных положений способна давать практические рекомендации, но она не схватывает и не постигает в единстве противоположные определения некоторой действительности, конкретности.

Таким образом, можно сказать, что в экономической науке представлено два рода систем: эмпирические и теоретические. Они имеют субординацию с позиций системной организации знания. В зависимости от того, каков предмет представлен в системе, таков и её метод.

Экономическую модель общества можно построить по любому принципу: по инвестиционной логике, системе налогов, человеческому капиталу и т. д. Но это фрагментное, а не универсальное отражение действительности. Теория становится универсальной, когда схватывает и познаёт все стороны действительности. Целостность и завершённость таких систем в философии характеризуются как тотальность. Теоретическое воспроизведение капиталистического способа производства, представленное системой "Капитала", описывает именно тотальность и конкретность.

Логика экономического развития совпадает с логикой построения научной теории, а способ построения последней – с существенными характеристиками действительности.

Поэтому диалектика считается высшим способом теоретического освоения действительности. Она есть одновременно и теория познания, и теория развития объективной действительности. Система теории отражает целостный характер практики.

Когда экономическая наука выработала свои основные понятия на основе определённого метода и применяет их для понимания факторов, общая методология "снимается", уходит в основания.

Как только наука становится на "свои ноги", достигается органическое единство предмета и метода. Метод воплощается в определённой системе, вся система становится методом дальнейшего движения, способом решения практических и теоретических задач. Представлять факты, явления в их внутренней связи – это и значит представлять их диалектически.

Движение к практике принимает в теории форму единства предмета и метода. Это единство выступает как теоретический способ реализации практической направленности экономической теории и как путь достижения органического единства теории и практики.

⁸ "В каждом обществе производственные отношения образуют некоторое единое целое". См.: *Маркс К., Энгельс Ф. Соч. – Т. 4. – С. 133.*